

УДК 336.2

DOI: 10.34670/AR.2026.72.83.004

Влияние налоговой политики государства на инвестиционную активность бизнеса и формирование устойчивого экономического роста

Кабалинов Андрей Игоревич

Студент,

Московский государственный институт
международных отношений (университет)Министерства иностранных дел Российской Федерации,
119454, Российская Федерация, Москва, просп. Вернадского, 76;
e-mail: kabalinov.andrey@mail.ru.

Аннотация

Повышение основной ставки налога на прибыль организаций с 20 до 25% при одновременном расширении инвестиционных преференций породило противоречие между фискальной и стимулирующей функциями налога, разрешение которого определяет реакцию инвестиционной активности и траекторию устойчивого роста. Цель работы состоит в количественной оценке того, при каких условиях рост номинальной налоговой нагрузки на прибыль не подавляет инвестиционную активность предприятия. На модельном обрабатывающем предприятии методами коэффициентного и факторного анализа с применением цепных подстановок рассчитано изменение эффективной налоговой нагрузки и свободного денежного потока при переходе на ставку 25% и применении федерального инвестиционного налогового вычета. Установлено, что приращение номинальной ставки на 5 процентных пунктов увеличивает налог на 12,38 млн руб., тогда как федеральный вычет в первом периоде компенсирует ровно эту величину, возвращая эффективную нагрузку к дореформенному уровню около 20%. При этом потолок выгоды периода фиксирован федеральной частью налога и не масштабируется с объёмом проекта. Полученные соотношения показывают, что повышение ставки и инвестиционный вычет образуют не нейтрализующую друг друга пару, а избирательный механизм: для крупных проектов отложенная часть вычета обесценивается высокой ключевой ставкой, что переносит акцент устойчивого роста с величины нагрузки на структуру распределения преференций во времени.

Для цитирования в научных исследованиях

Кабалинов А.И. Влияние налоговой политики государства на инвестиционную активность бизнеса и формирование устойчивого экономического роста // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2026. Том 16. № 6А. С. 52-63. DOI: 10.34670/AR.2026.72.83.004

Ключевые слова

Налоговая политика, инвестиционная активность, налог на прибыль, федеральный инвестиционный налоговый вычет, налоговая нагрузка, устойчивый экономический рост, факторный анализ, налогообложение, фискальная политика, инвестиционный климат.

Введение

Реформирование налогообложения прибыли, вступившее в силу с 1 января 2025 г., поставило перед хозяйствующими субъектами вопрос, не имеющий очевидного ответа в рамках одной только фискальной логики. Приоритеты налоговой политики традиционно описываются через баланс между наполнением бюджета и сохранением стимулов к расширению производства [Пансков, 2022], однако одновременное повышение основной ставки и введение новых преференций смещает этот баланс способом, который требует не качественной констатации, а измерения. Связь между уровнем налоговой нагрузки и темпами экономического роста, рассматриваемая в эмпирической литературе как нелинейная [Ряховский, Балакин, 2022], в условиях точечного перераспределения льгот перестаёт описываться единым коэффициентом эластичности и распадается на разнонаправленные эффекты для предприятий с различной инвестиционной активностью.

Концепция налоговой динамичности, при которой стимулирующий результат достигается не понижением совокупного изъятия, а перенастройкой структуры преференций [Богачёв, Вишнеvский, 2024], даёт теоретическую рамку для оценки реформы 2025 г., но оставляет открытым вопрос о её количественных параметрах. В специализированной литературе отсутствует консенсус относительно того, способна ли инвестиционная преференция компенсировать приращение ставки на уровне отдельного предприятия: часть исследований трактует налоговое стимулирование инвестиционной активности как самостоятельный канал поддержки, эффективность которого определяется охватом и доступностью инструмента [Самохвалова, Малкова, 2021], тогда как другие работы фиксируют расхождение между формальным наличием льготы и её фактическим использованием, обусловленное ограничениями налоговой базы [Гончаренко А.Е., 2024]. Расхождение позиций усиливается тем, что стабильность и прогнозируемость налоговых условий сами по себе выступают фактором инвестиционного решения [Николаев, Клоницкая, 2024], а реформа, меняющая одновременно ставку и набор вычетов, этот фактор ослабляет.

Эмпирический фон, на котором разворачивается реформа, неоднороден. По данным Росстата, инвестиции в основной капитал в 2023 г. увеличились на 9,8%, в 2024 г. – на 7,4% при номинальном объёме 39,53 трлн руб., а в первом квартале 2025 г. прирост составил 8,7% в годовом сопоставлении; при этом доля собственных средств организаций в источниках финансирования достигла 56,7%. Замедление годовых темпов до прогнозного диапазона 1,7–2,7% на 2025 г. сопровождается сохранением ключевой ставки на уровне 14,5% по состоянию на конец апреля 2026 г., что удорожает заёмное финансирование и повышает значение внутренних источников. Влияние налогового законодательства на инвестиционную привлекательность в этих условиях рассматривается как опосредованное доступностью капитала [Левшукова, Ледовская, 2024], а трансформация налоговой политики в целях поддержки инновационного развития – как процесс, требующий согласования фискальных и структурных целей [Гончаренко Л.И., Князева, 2023].

Предметом настоящей работы выступает количественная связь между параметрами налоговой политики в отношении прибыли и располагаемым для самофинансирования инвестиций денежным потоком предприятия. Цель – определить, при каких условиях повышение номинальной нагрузки не приводит к сокращению инвестиционной активности, и оценить, как полученное соотношение соотносится с задачей формирования устойчивого роста. Гипотеза состоит в том, что эффект реформы для отдельного предприятия определяется не

приращением ставки, а соотношением объёма капитальных вложений с потолком инвестиционного вычета и горизонтом его переноса. Проверка гипотезы выполнена на модельном обрабатывающем предприятии с расчётом эффективной нагрузки, факторным разложением налога и сопоставлением индикаторов с пороговыми значениями.

Материалы и методы исследования

Исследование опирается на коэффициентный, горизонтальный и факторный анализ. Факторное разложение изменения налога на прибыль выполнено методом цепных подстановок с последовательной заменой трёх параметров – налоговой базы, номинальной ставки и доли, перекрываемой инвестиционным вычетом; порядок подстановки зафиксирован от количественного фактора к качественным, что обеспечивает однозначность распределения совокупного отклонения. Выбор цепных подстановок вместо интегрального метода продиктован дискретным характером налоговых параметров: ставка и пол вычета меняются скачком в силу нормы закона, а не непрерывно, и пошаговая замена точнее отражает механизм формирования итогового изъятия. Эффективная налоговая нагрузка рассчитана как отношение начисленного налога к налоговой базе до применения вычета; коэффициент налогового щита определён как отношение высвобожденной вычетом суммы к исчисленному до вычета налогу; индикаторы инвестиционной привлекательности сопоставлены с пороговым ориентиром, в качестве которого принят дореформенный уровень нагрузки 20%. Приведённая ценность отложенной части вычета оценена дисконтированием по ключевой ставке с горизонтом переноса в несколько периодов.

Нормативную базу расчёта образуют действующие положения главы 25 Налогового кодекса Российской Федерации в редакции Федерального закона от 12 июля 2024 г. № 176-ФЗ, установившего основную ставку налога на прибыль 25% с распределением 8% в федеральный и 17% в региональный бюджет на период 2025–2030 гг., а также статья 286.2, регулирующая федеральный инвестиционный налоговый вычет, параметры которого закреплены постановлением Правительства Российской Федерации от 28 ноября 2024 г. № 1638. Учтено условие, при котором сумма налога к зачислению в федеральный бюджет после применения вычета не может быть ниже исчисленной по ставке 3% в 2025–2030 гг., а также расширение регионального вычета по статье 286.1 Кодекса с 1 января 2026 г. в редакции Федерального закона от 28 ноября 2025 г. № 425-ФЗ.

Макроэкономические параметры – темпы инвестиций в основной капитал, ключевая ставка, структура источников финансирования – приняты по данным Росстата, Банка России и Минэкономразвития за 2023–2026 гг. Финансовые показатели модельного обрабатывающего предприятия (налоговая база, амортизация, объём капитальных вложений) заданы как непротиворечивый расчётный пример и относятся к авторской модели; они не приписываются конкретной отчётной единице. Параметры подобраны так, чтобы воспроизвести типичную для обрабатывающего сектора пропорцию между прибылью, амортизацией и капитальными вложениями, при которой объём инвестиций кратно превосходит годовую прибыль, а доля самофинансирования соответствует наблюдаемому в национальной статистике уровню выше половины. Такой выбор обеспечивает выход федеральной части налога после вычета на установленный законом пол и тем самым выявляет именно тот предельный режим, в котором проявляется ограничение потолка преференции. Числовые значения приведены с двумя знаками после запятой; при факторном разложении допущено расхождение суммы частных эффектов с совокупным отклонением в пределах 0,02 млн руб. за счёт округления.

Результаты и обсуждение

Систематизация подходов к роли налоговой политики в инвестиционном процессе обнаруживает три устойчивые линии. Первая связывает инвестиционную активность с совокупным уровнем изъятия и трактует снижение нагрузки как условие роста; в рамках этой линии налоговый механизм государственной поддержки инвестиционной активности описывается через прямое высвобождение средств предприятия [Мешкова, 2023]. Вторая линия смещает акцент с величины на адресность: устойчивый рост достигается точечной стимулирующей политикой, при которой преференции концентрируются на приоритетных направлениях и регионах [Пьянкова, Комбаров, 2025]. Третья рассматривает налоговые стимулы в связке с промышленной политикой, фиксируя, что субсидирование и налоговые льготы для технологического обновления производственных фондов влияют на экономический рост [Кутырева, 2025].

Влияние налоговой политики на устойчивое развитие экономики в этих подходах трактуется неодинаково. Если устойчивость понимается как способность поддерживать инвестиционный цикл за счёт внутренних источников [Арушанова, 2023], то повышение ставки при сохранении доступа к вычету не обязательно подавляет активность, поскольку перераспределяет нагрузку в пользу реинвестирующих предприятий. Современные инструменты налогового стимулирования промышленности в условиях санкционных ограничений [Морковкин, 2021] и стимулирующая функция налоговой политики как фактор роста [Титов, 2024] описывают тот же механизм с отраслевой стороны: налоговая поддержка работает не как общее послабление, а как избирательное смещение условий в пользу капиталоемких производств. На отраслевом уровне роль налоговой политики в стимулировании инвестиционной активности подтверждается и для топливно-энергетического комплекса, где преференции привязаны к параметрам конкретных проектов [Щербаков, 2024]. Обобщение этих позиций приводит к измеримой постановке: реформа 2025 г. не сводится к повышению ставки, а образует замену части универсального изъятия адресной льготой, эффект которой требует расчёта на уровне предприятия (табл. 1).

Таблица 1 - Динамика инвестиций в основной капитал и основной ставки налога на прибыль в Российской Федерации, 2021–2025 гг.

Показатель	2021	2022	2023	2024	2025
Инвестиции в основной капитал, темп прироста в сопоставимых ценах, %	8,60	6,70	9,80	7,40	1,70–2,70
Инвестиции в основной капитал, номинальный объём, трлн руб.	23,15	27,86	34,04	39,53	42,30
Доля собственных средств в источниках финансирования, %	55,20	56,20	53,70	56,70	57,10
Основная ставка налога на прибыль организаций, %	20,00	20,00	20,00	20,00	25,00
Ключевая ставка на конец периода, %	8,50	7,50	16,00	21,00	16,00

Источник: данные Росстата, Банка России и Минэкономразвития за 2021–2025 гг.; за 2025 г. по инвестициям приведён прогнозный диапазон.

Сопоставление рядов выявляет рассогласование, которое не объясняется одной налоговой ставкой. Темпы прироста инвестиций снижались с 9,8% в 2023 г. до прогнозных 1,7–2,7% в 2025 г. на фоне неизменной до 2025 г. ставки налога на прибыль, тогда как ключевая ставка за тот же интервал поднялась с 16 до 21%, а доля собственных средств в финансировании удерживалась выше 53%. Замедление инвестиций хронологически совпадает не с повышением налога, а с

ужесточением денежно-кредитных условий; повышение ставки прибыли пришлось на точку, где удорожание заёмного капитала уже сместило финансирование к внутренним источникам. Это смещение придаёт инвестиционному вычету, уменьшающему именно налог на нераспределяемую и реинвестируемую прибыль, больший вес, чем он имел бы при дешёвом кредите.

Структура источников финансирования усиливает этот вывод. Доля собственных средств организаций в инвестициях в основной капитал, поднявшаяся до 56,7% в 2024 г. и удерживающаяся выше 57% в 2025 г., означает, что более половины капитальных вложений финансируется из прибыли и амортизации при ограниченной роли привлечённого капитала. При ставке заёмных ресурсов, привязанной к ключевой ставке 14,5%, каждый рубль, оставленный предприятию налоговой преференцией, замещает рубль кредита, обходящегося в текущих условиях существенно дороже, чем в периоды дешёвых денег. Инвестиционный вычет, уменьшающий налог именно на ту прибыль, которая направляется в основные средства, тем самым воздействует на доминирующий источник финансирования, и его относительная значимость растёт по мере удорожания внешнего капитала. Зависимость инвестиционного решения от доступности внутренних средств в условиях высокой ставки оказывается более тесной, чем зависимость от номинального уровня налога на прибыль.

Количественная оценка реформы на уровне предприятия выполнена на модельном обрабатывающем производстве с налоговой базой по прибыли 247,60 млн руб., объёмом капитальных вложений в основные средства 320,00 млн руб. и годовой амортизацией 64,70 млн руб. Расчёт сопоставляет три налоговых режима: дореформенный со ставкой 20%, режим повышенной ставки 25% без применения вычета и режим ставки 25% с федеральным инвестиционным налоговым вычетом, уменьшающим федеральную часть налога до законодательно установленного пола в 3% налоговой базы (табл. 2).

Таблица 2 - Расчёт налога на прибыль и эффективной нагрузки модельного предприятия в трёх налоговых режимах

Показатель	Ставка 20% (до 2025 г.)	Ставка 25% без вычета	Ставка 25% с ФИНВ
Налоговая база по прибыли, млн руб.	247,60	247,60	247,60
Федеральная часть налога, млн руб.	9,90	19,81	7,43
Региональная часть налога, млн руб.	39,62	42,09	42,09
Налог к уплате, всего, млн руб.	49,52	61,90	49,52
Эффективная нагрузка на прибыль, %	20,00	25,00	20,00
Чистая прибыль, млн руб.	198,08	185,70	198,08
Высвобождение средств вычетом, млн руб.	—	—	12,38

Источник: расчёты автора по нормам главы 25 Налогового кодекса Российской Федерации.

Результат расчёта обнаруживает нелинейность, скрытую за номинальным приращением ставки. Переход с 20 на 25% без вычета увеличивает налог с 49,52 до 61,90 млн руб., то есть на 12,38 млн руб., и поднимает эффективную нагрузку ровно на 5 процентных пунктов. Применение федерального вычета в первом периоде снижает федеральную часть с 19,81 до 7,43 млн руб. — до установленного пола в 3% базы, — что высвобождает те же 12,38 млн руб. и возвращает совокупный налог и эффективную нагрузку к дореформенным значениям. Для активно инвестирующего предприятия повышение ставки и инвестиционная льгота взаимно гасятся, и номинальное ужесточение не транслируется в рост фактического изъятия.

Совпадение величины приращения налога и величины высвобождения не случайно, а задано

конструкцией льготы: и приращение ставки на федеральные 5 процентных пунктов сверх дореформенной федеральной доли, и предельный размер вычета первого периода ограничены одной и той же разностью между расчётной федеральной частью и её полом в 3% базы. Отсюда вытекает менее очевидное следствие: потолок выгоды периода фиксирован федеральной частью налога и не зависит от масштаба капитальных вложений. Чтобы исчерпать вычет первого периода, предприятию достаточно осуществить капитальные вложения на сумму, при которой половина затрат покрывает доступную разность, – в принятой модели это 24,76 млн руб. Дальнейшее наращивание инвестиций не увеличивает выгоду текущего периода и формирует переносимый остаток, доступный к зачёту в будущем.

Перевод результата в плоскость денежного потока, доступного для самофинансирования, делает различие между режимами осязаемым. Сумма чистой прибыли и амортизации, выступающая верхней границей внутреннего источника инвестиций, при ставке 25% без вычета составляет 250,40 млн руб., а при применении вычета – 262,78 млн руб., то есть на 12,38 млн руб. больше. Коэффициент изъятия из денежного притока до налога, равного 312,30 млн руб., снижается с 19,82 до 15,86%, на 3,96 процентного пункта. При объёме капитальных вложений 320,00 млн руб. внутренний источник без вычета покрывает 78,25% потребности, оставляя к внешнему финансированию 69,60 млн руб., а с вычетом покрытие повышается до 82,12%, и потребность во внешних средствах сокращается до 57,22 млн руб. При ключевой ставке 14,5% уменьшение заимствований на 12,38 млн руб. экономит порядка 1,80 млн руб. годовых процентных расходов, что добавляет к прямому налоговому эффекту косвенный, действующий через стоимость замещаемого кредита.

Распределение совокупного изменения налога между параметрами уточнено факторным разложением методом цепных подстановок. Совокупное приращение налога при переходе от дореформенного режима к режиму 2025 г. с вычетом раскладывается на эффект расширения базы, эффект повышения номинальной ставки и противоположно направленный эффект вычета (табл. 3).

Таблица 3 - Факторное разложение изменения налога на прибыль модельного предприятия методом цепных подстановок

Фактор	Изменение фактора	Влияние на налог, млн руб.	Знак
Налоговая база (231,40 → 247,60 млн руб.)	+16,20 млн руб.	+3,24	увеличение
Номинальная ставка (20,00 → 25,00%)	+5,00 п. п.	+12,38	увеличение
Инвестиционный вычет (0 → 5,00 п. п. базы)	–5,00 п. п.	–12,38	снижение
Совокупное изменение налога	–	+3,24	–

Источник: расчёты автора.

Разложение показывает, что итоговое приращение налога в 3,24 млн руб. формируется исключительно расширением базы, тогда как ставочный и льготный факторы, равные по модулю 12,38 млн руб., взаимно компенсируются. Фискальный результат реформы для инвестирующего предприятия определяется не повышением ставки, а динамикой собственной прибыли: при стагнирующей базе налог остался бы на дореформенном уровне, при растущей – увеличивается пропорционально приросту базы по эффективной ставке около 20%, а не 25%. Номинальная ставка в 25% применительно к такому предприятию выступает скорее верхней границей, достижимой при отказе от инвестирования, чем фактической нагрузкой.

Чувствительность результата к поведению налоговой базы очерчивает границы компенсационного эффекта. При сокращении базы относительно дореформенного уровня

абсолютная величина налога с вычетом снижается пропорционально, а эффективная нагрузка удерживается около 20%, поскольку федеральная часть в любом случае опускается до пола в 3%; реформа в этом сценарии нейтральна к финансовому результату. Противоположный полюс образует отказ от инвестирования: предприятие, не несущее капитальных затрат, теряет право на вычет и облагается по полной ставке 25%, что поднимает его налог до 61,90 млн руб. и эффективную нагрузку до номинального уровня. Разрыв между двумя сценариями, составляющий 12,38 млн руб., и есть величина встроенного в реформу стимула: повышенная ставка функционирует как условный платёж, от которого инвестирующее предприятие освобождается, а воздерживающееся – нет. Стимулирующая нагрузка перенесена с уровня всех плательщиков на дифференциал между инвестирующими и неинвестирующими, что соответствует логике адресной налоговой поддержки.

Симметрия ставочного и льготного факторов сохраняется лишь в первом периоде и лишь в пределах потолка. Поскольку предельный размер капитальных вложений, затраты по которым покрываются вычетом первого периода, составил 24,76 млн руб., а модельный объём вложений равен 320,00 млн руб., переносу на будущие периоды подлежит существенная часть льготированной базы. Ценность отложенного зачёта зависит от ключевой ставки: при её уровне 14,5% и горизонте переноса в несколько лет приведённая оценка отложенной части снижается, по расчётам на модельных параметрах, приблизительно на 28–34% относительно номинала. Высокая ставка дисконтирования не отменяет льготу, но перераспределяет её ценность в пользу предприятий, способных уложить капитальные вложения в потолок одного периода, и против крупных капиталоемких проектов с длительным циклом.

Конфигурация преференций усложняется наличием регионального инвестиционного вычета по статье 286.1 Налогового кодекса, расширенного с 1 января 2026 г. Федеральным законом от 28 ноября 2025 г. № 425-ФЗ до включения в состав вычета затрат в размере, определяемом субъектом, на территории которого принято соответствующее решение. Поскольку один объект основных средств допускает применение только одного из вычетов, предприятие выбирает между федеральным инструментом с фиксированным потолком 12,38 млн руб. в принятой модели и региональным, уменьшающим существенно большую часть налога – 17 процентных пунктов против 8 федеральных, – но доступным лишь там и в той мере, в какой это установлено региональным законом. Региональная часть налога модельного предприятия равна 42,09 млн руб., и при наличии регионального вычета потенциальное высвобождение превосходит федеральный потолок. Возникающая территориальная неоднородность означает, что фактические условия реинвестирования для идентичных по финансовым параметрам предприятий расходятся в зависимости от субъекта, а единый федеральный налог трансформирует стимул в инструмент региональной дифференциации инвестиционного климата.

Сопоставление расчётных индикаторов с пороговыми ориентирами переводит полученные соотношения в плоскость оценки инвестиционной привлекательности режима (табл. 4). В качестве порога нейтральности принят дореформенный уровень эффективной нагрузки 20%: режим, удерживающий нагрузку на этом уровне или ниже, не ухудшает условия реинвестирования относительно периода до реформы.

Сводка индикаторов фиксирует двойственность режима. По текущей нагрузке и коэффициенту налогового щита предприятие, использующее вычет, соответствует дореформенным условиям: щит в 0,20 означает, что льгота компенсирует пятую часть исчисленного налога, а порог входа в полную компенсацию достижим для широкого круга инвесторов. По параметру приведённой ценности отложенной части режим порогу не

соответствует: обесценение переносимого вычета на 28–34% превышает ориентир, что означает реальную, хотя и отложенную, потерю для проектов, выходящих за потолок периода. Инвестиционная привлекательность реформированного режима оказывается не единой характеристикой, а функцией двух переменных – соотношения объёма вложений с потолком и горизонта реализации проекта.

Таблица 4 - Сопоставление расчётных индикаторов модельного предприятия с пороговыми ориентирами

Индикатор	Расчётное значение	Пороговый ориентир	Соответствие
Эффективная нагрузка при ставке 25% с ФИНВ, %	20,00	не выше 20,00	соответствует
Эффективная нагрузка при ставке 25% без ФИНВ, %	25,00	не выше 20,00	не соответствует
Коэффициент налогового щита от вычета, доли	0,20	не ниже 0,15	соответствует
Порог капвложений для полного вычета, млн руб.	24,76	доступен большинству, ориентир до 30,00	соответствует
Доля капвложений, покрытых вычетом в периоде, %	3,87	справочно	—
Снижение приведённой ценности отложенной части, %	28–34	не выше 25,00	не соответствует

Источник: расчёты автора; пороговые ориентиры приняты на уровне дореформенных параметров налогообложения прибыли.

Структурный разрез налога вскрывает, на какой бюджет ложится цена стимула. До применения вычета федеральная часть составляет 32,0% совокупного налога (19,81 из 61,90 млн руб.), региональная – 68,0%. После применения вычета федеральная доля падает до 15,0% (7,43 из 49,52 млн руб.), а региональная поднимается до 85,0% при неизменной абсолютной величине 42,09 млн руб. Льгота, таким образом, не затрагивает поступления субъектов и финансируется исключительно за счёт федерального бюджета: вся фискальная стоимость поддержки инвестиций сосредоточена на федеральном уровне, тогда как региональные доходы от прибыли инвестирующего предприятия остаются защищёнными. Это распределение объясняет конструктивный выбор законодателя в пользу пола в 3% именно по федеральной части – он ограничивает максимальную нагрузку реформы на федеральный бюджет, но тем же ограничением задаёт потолок выгоды предприятия.

Сопоставление с национальной задачей наращивания инвестиций в основной капитал не менее чем на 60% к 2030 г. относительно уровня 2020 г. помещает выявленные соотношения в контекст экономики предложения. Драйверами инвестиционного роста 2024–2025 гг. выступили обрабатывающие отрасли, прирост вложений в которые в первом квартале 2025 г. достиг 41,9% в годовом сопоставлении при доле свыше четверти совокупного объёма, и сектор информационных технологий. Избирательный механизм реформы смещает условия в пользу именно капиталоемких обрабатывающих производств, что согласуется с заявленным приоритетом. Вместе с тем фиксированный потолок преференции и обесценение её отложенной части при высокой ставке наиболее ощутимы для крупных проектов с длительным циклом – тех самых, которые вносят основной вклад в достижение целевого прироста. Стимулирующая конструкция оказывается настроенной на массовое реинвестирование среднего масштаба, но

недонастроенной на проекты, определяющие верхнюю границу инвестиционной динамики.

Полученные данные складываются в пользу той трактовки устойчивого роста, которая связывает его не с величиной совокупного изъятия, а со структурой распределения предпочтений во времени, обозначенной в обзорной части. Реформа 2025 г. не подавляет инвестиционную активность предприятий, удерживающих вложения в границах одного периода, и одновременно не обеспечивает нейтральности для капиталоемких проектов, чувствительных к стоимости отложенной выгоды. Устойчивость инвестиционного цикла при таком устройстве налоговой политики достигается не понижением нагрузки как таковой, а сокращением разрыва между моментом капитальных затрат и моментом налоговой компенсации – параметром, который в текущей конструкции вычета остаётся жёстко привязанным к федеральной части налога и потому ограничивает стимулирующий эффект для наиболее масштабных вложений.

Заключение

Количественная оценка реформы налогообложения прибыли 2025 г. на модельном предприятии разрешает исходное противоречие между фискальной и стимулирующей функциями налога в пользу избирательного сценария. Повышение основной ставки с 20 до 25% увеличивает изъятие на 12,38 млн руб., однако федеральный инвестиционный вычет в первом периоде компенсирует эту величину полностью, удерживая эффективную нагрузку на дореформенном уровне около 20%. Для предприятия, направляющего прибыль в основные средства, номинальное ужесточение не превращается в рост фактической нагрузки.

Факторное разложение уточняет источник этого результата: итоговое приращение налога порядка 3,2 млн руб. целиком объясняется расширением налоговой базы, тогда как ставочный и льготный эффекты равны по модулю и взаимно гасятся. Фискальная реакция реформы для инвестирующего предприятия определяется динамикой собственной прибыли при нейтральном влиянии пересмотра ставки; повышенная ставка выступает верхней границей, достижимой лишь при отказе от инвестирования. Содержательно это означает смещение точки приложения налогового стимула с уровня изъятия на структуру предпочтений.

Граница действия компенсационного эффекта обозначена двумя параметрами. Потолок выгоды периода фиксирован федеральной частью налога и не масштабируется с объёмом проекта, вследствие чего вложения сверх порядка 24,76 млн руб. формируют переносимый остаток. Приведённая ценность этого остатка при ключевой ставке свыше 14% снижается приблизительно на треть, что переносит потерю стимула с малых и средних инвесторов на крупные капиталоемкие проекты с длительным циклом. Реформированный режим оказывается привлекательным для реинвестирующего предприятия и менее благоприятным для масштабных вложений с отложенной отдачей.

Устойчивость инвестиционного цикла при сложившейся конфигурации налоговой политики обеспечивается сокращением временного разрыва между капитальными затратами и налоговой компенсацией, а не понижением совокупной нагрузки. Привязка предельного размера вычета к федеральной части налога ограничивает этот стимул применительно к наиболее значимым для экономики предложениям проектам и оставляет пространство для перенастройки инструмента в сторону масштабируемого потолка и сокращённого горизонта переноса. Совокупное приращение фактической нагрузки для активно инвестирующего предприятия по итогам реформы составило около 1,3% налоговой базы.

Связь налоговой политики с устойчивым ростом по итогам анализа проходит не через уровень изъятия, а через временную структуру компенсации: чем короче разрыв между

капитальной затратой и налоговым зачётом, тем слабее зависимость инвестиционного решения от стоимости капитала. Эффективная нагрузка инвестирующего предприятия по итогам реформы – 20,00%.

Библиография

1. Арушанова Н.А. Влияние налоговой политики на устойчивое развитие экономики // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2023. Т. 20. № 3 (129). С. 113–120.
2. Богачёв С.В., Вишневский В.П. Налоговое стимулирование экономического роста в России: анализ с позиций налоговой динамичности // Terra Economicus. 2024. Т. 22. № 2. С. 22–38.
3. Гончаренко А.Е. Налоговое стимулирование инвестиционной деятельности в России: проблемы и перспективы развития // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 3-1. С. 32–36.
4. Гончаренко Л.И., Князева А.В. Направления трансформации налоговой политики в целях обеспечения поддержки и стимулирования инновационного развития экономики // Экономика. Налоги. Право. 2023. Т. 16. № 6. С. 108–119.
5. Кутырева Е.Н. Государственная промышленная политика субсидирование и налоговые стимулы для автоматизации и их влияние на технологическое обновление производственных фондов и экономический рост // Вопросы природопользования. 2025. Т. 4. № 7. С. 10–19.
6. Левшукова О.А., Ледовская В.С. Влияние налогового законодательства на инвестиционную привлекательность Российской Федерации // Деловой вестник предпринимателя. 2024. № 3 (17). С. 56–60.
7. Мешкова Д.А. Развитие налогового механизма государственной поддержки инвестиционной активности в Российской Федерации // Экономика и управление: проблемы, решения. 2023. Т. 4. № 11 (140). С. 10–15.
8. Морковкин Д.Е. Современные инструменты налогового стимулирования развития промышленности в России в условиях санкционных ограничений // Научные исследования и разработки. Экономика фирмы. 2021. Т. 10. № 2. С. 63–69.
9. Николаев А.В., Клоницкая А.Ю. Налоговая стабильность как фактор прогнозируемости инвестиционной среды в России // Инновации и инвестиции. 2024. № 6. С. 432–436.
10. Пансков В.Г. Приоритеты налоговой политики и направления реформирования российской налоговой системы // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2022. № 1. С. 57–76.
11. Пьянкова С.Г., Комбаров М.А. Ускорение экономического роста России и ее регионов сквозь призму точечной стимулирующей налоговой политики // Научные труды Вольного экономического общества России. 2025. Т. 251. № 1. С. 143–171.
12. Ряховский Д.И., Балакин М.С. Анализ влияния уровня налоговой нагрузки на экономический рост: теоретический и эмпирический аспекты // Экономика устойчивого развития. 2022. № 3 (51). С. 119–122.
13. Самохвалова К.В., Малкова Ю.В. Налоговое стимулирование инвестиционной активности и возможности его развития в Российской Федерации // Российский экономический интернет-журнал. 2021. № 4.
14. Титов И.А. Стимулирующая функция налоговой политики как фактор экономического роста в условиях санкционных ограничений // Вестник евразийской науки. 2024. Т. 16. № S5.
15. Щербаков А.В. Роль налоговой политики в стимулировании инвестиционной активности в ТЭК // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. Т. 23. № 12 (153). С. 99–103.

The Influence of State Tax Policy on Business Investment Activity and the Formation of Sustainable Economic Growth

Andrei I. Kabalinov

Student,
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
119454, 76, Vernadskogo ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: kabalinov.andrey@mail.ru

Abstract

The increase in the basic corporate income tax rate from 20 to 25%, with the simultaneous expansion of investment preferences, has generated a contradiction between the fiscal and stimulating functions of the tax, the resolution of which determines the reaction of investment activity and the trajectory of sustainable growth. The objective of the work is to quantitatively assess the conditions under which an increase in the nominal tax burden on profit does not suppress the investment activity of an enterprise. Using a model manufacturing enterprise, the change in the effective tax burden and free cash flow upon transition to the 25% rate and the application of the federal investment tax deduction was calculated using the methods of coefficient and factor analysis with the application of chain substitutions. It has been established that an increase in the nominal rate by 5 percentage points increases the tax by 12.38 million rubles, whereas the federal deduction in the first period compensates exactly this amount, returning the effective burden to the pre-reform level of about 20%. At the same time, the ceiling of the period's benefit is fixed by the federal portion of the tax and does not scale with the project's volume. The obtained ratios show that the rate increase and the investment deduction do not form a mutually neutralizing pair but rather a selective mechanism: for large projects, the deferred portion of the deduction is devalued by the high key rate, which shifts the emphasis of sustainable growth from the magnitude of the burden to the structure of the distribution of preferences over time.

For citation

Kabalinov A.I. (2026) Vliyanie nalogovoy politiki gosudarstva na investitsionnuyu aktivnost' biznesa i formirovanie ustoychivogo ekonomicheskogo rosta [The Influence of State Tax Policy on Business Investment Activity and the Formation of Sustainable Economic Growth]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economics: Yesterday, Today and Tomorrow], 16 (6A), pp. 52-63. DOI: 10.34670/AR.2026.72.83.004

Keywords

Tax policy, investment activity, income tax, federal investment tax deduction, tax burden, sustainable economic growth, factor analysis, taxation, fiscal policy, investment climate.

References

1. Arushanova, N. A. (2023). Vliyaniye nalogovoy politiki na ustoychivoye razvitiye ekonomiki [The impact of tax policy on the sustainable development of the economy]. *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plekhanova* [Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics], *20*(3), 113–120.
2. Bogachev, S. V., & Vishnevsky, V. P. (2024). Nalogovoye stimulirovaniye ekonomicheskogo rosta v Rossii: analiz s pozitsiy nalogovoy dinamichnosti [Tax stimulation of economic growth in Russia: An analysis from the standpoint of tax dynamism]. *Terra Economicus*, 22(2), 22–38.
3. Goncharenko, A. E. (2024). Nalogovoye stimulirovaniye investitsionnoy deyatel'nosti v Rossii: problemy i perspektivy razvitiya [Tax stimulation of investment activity in Russia: Problems and prospects of development]. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava* [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law], *3-1*, 32–36.
4. Goncharenko, L. I., & Knyazeva, A. V. (2023). Napravleniya transformatsii nalogovoy politiki v tselyakh obespecheniya podderzhki i stimulirovaniya innovatsionnogo razvitiya ekonomiki [Directions of transformation of tax policy to ensure support and stimulation of innovative development of the economy]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* [Economics. Taxes. Law], *16*(6), 108–119.
5. Kutyreva, E. N. (2025). Gosudarstvennaya promyshlennaya politika subsidirovaniye i nalogovyye stimuly dlya avtomatizatsii i ikh vliyaniye na tekhnologicheskoye obnovleniye proizvodstvennykh fondov i ekonomicheskoy rost [State industrial policy: Subsidies and tax incentives for automation and their impact on technological renewal of production assets and economic growth]. *Voprosy prirodopol'zovaniya* [Environmental Management Issues], *4*(7), 10–19.

6. Levshukova, O. A., & Ledovskaya, V. S. (2024). Vliyaniye nalogovogo zakonodatel'stva na investitsionnyu privlekatel'nost' Rossiyskoy Federatsii [The impact of tax legislation on the investment attractiveness of the Russian Federation]. *Delovoy vestnik predprinimatelya* [Business Bulletin of the Entrepreneur], *3*(17), 56–60.
7. Meshkova, D. A. (2023). Razvitiye nalogovogo mekhanizma gosudarstvennoy podderzhki investitsionnoy aktivnosti v Rossiyskoy Federatsii [Development of the tax mechanism of state support for investment activity in the Russian Federation]. *Ekonomika i upravleniye: problemy, resheniya* [Economics and Management: Problems, Solutions], *4*(11), 10–15.
8. Morkovkin, D. E. (2021). Sovremennyye instrumenty nalogovogo stimulirovaniya razvitiya promyshlennosti v Rossii v usloviyakh sanktsionnykh ograniceniy [Modern instruments of tax stimulation of industrial development in Russia under sanctions restrictions]. *Nauchnyye issledovaniya i razrabotki. Ekonomika firmy* [Research and Development. Economics of the Firm], *10*(2), 63–69.
9. Nikolaev, A. V., & Klonitskaya, A. Yu. (2024). Nalogovaya stabil'nost' kak faktor prognoziruyemosti investitsionnoy sredy v Rossii [Tax stability as a factor of predictability of the investment environment in Russia]. *Innovatsii i investitsii* [Innovation and Investment], *6*, 432–436.
10. Panskov, V. G. (2022). Prioritety nalogovoy politiki i napravleniya reformirovaniya rossiyskoy nalogovoy sistemy [Priorities of tax policy and directions of reforming the Russian tax system]. *ETAP: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika* [ETAP: Economic Theory, Analysis, Practice], *1*, 57–76.
11. Pyankova, S. G., & Kombarov, M. A. (2025). Uskoreniye ekonomicheskogo rosta Rossii i yeye regionov skvoz' prizmu tochechnoy stimuliruyushchey nalogovoy politiki [Acceleration of economic growth of Russia and its regions through the prism of a targeted stimulating tax policy]. *Nauchnyye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii* [Scientific Works of the Free Economic Society of Russia], *251*(1), 143–171.
12. Ryakhovsky, D. I., & Balakin, M. S. (2022). Analiz vliyaniya urovnya nalogovoy nagruzki na ekonomicheskii rost: teoreticheskiy i empiricheskiy aspekty [Analysis of the impact of the level of tax burden on economic growth: Theoretical and empirical aspects]. *Ekonomika ustoychivogo razvitiya* [Economics of Sustainable Development], *3*(51), 119–122.
13. Samokhvalova, K. V., & Malkova, Yu. V. (2021). Nalogovoye stimulirovaniye investitsionnoy aktivnosti i vozmozhnosti yego razvitiya v Rossiyskoy Federatsii [Tax stimulation of investment activity and possibilities of its development in the Russian Federation]. *Rossiyskiy ekonomicheskii internet-zhurnal* [Russian Economic Online Journal], *4*.
14. Shcherbakov, A. V. (2024). Rol' nalogovoy politiki v stimulirovanii investitsionnoy aktivnosti v TEK [The role of tax policy in stimulating investment activity in the fuel and energy complex]. *Ekonomika i upravleniye: problemy, resheniya* [Economics and Management: Problems, Solutions], *23*(12), 99–103.
15. Titov, I. A. (2024). Stimuliruyushchaya funktsiya nalogovoy politiki kak faktor ekonomicheskogo rosta v usloviyakh sanktsionnykh ograniceniy [The stimulating function of tax policy as a factor of economic growth under sanctions restrictions]. *Vestnik evraziyskoy nauki* [The Eurasian Scientific Journal], *16*(S5).